

*Бестселлер Amazon
и Sunday Times*

ДЭЙВ УОРДЕЛЛ

Между жизнью и смертью

История храброго
полицейского пса
Финна

Собаки, спасающие жизни

Собаки, спасающие жизни

Дэйв Уорделл

**Между жизнью и смертью.
История храброго
полицейского пса Финна**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 636.7
ББК 46.73

Уорделл Д.

Между жизнью и смертью. История храброго полицейского пса Финна / Д. Уорделл — «Издательство АСТ», 2018 — (Собаки, спасающие жизни)

ISBN 978-5-17-121691-7

Хартфордшир, 5 октября 2016 года, примерно два часа ночи. Офицер полиции Дэйв Уорделл и его служебный пес по кличке Финн пытались задержать подозреваемого в ограблении, когда преступник обернулся и атаковал своих преследователей. Финн был ранен ножом с 25-сантиметровым лезвием сначала в подмышку, а затем – когда попытался прикрыть хозяина – в голову. Пес, без сомнения, спас своего напарника, но теперь шла борьба уже за жизнь самого Финна. В тот момент в голове Дэйва Уорделла пронеслись различные воспоминания об их удивительной дружбе и привязанности. Отношения полицейского и его питомца – это замечательный пример крепкой связи человека и собаки, продолжающейся с тех пор, как девятимесячного Финна забрали из приюта. За время своей службы Финн сталкивался со всеми возможными видами полицейских заданий: искал пропавших детей, задерживал вооруженных преступников, спасал людей. Но Финн не просто полицейская собака, он любимец всей семьи. Эта жизнеутверждающая книга посвящена именно ему.

УДК 636.7
ББК 46.73

ISBN 978-5-17-121691-7

© Уорделл Д., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дэйв Уорделл
Между жизнью и смертью. История
храброго полицейского пса Финна

Джемме – моей опоре, вдохновляющей меня на новые свершения

© 2018 Dave Wardell and Lynne Barrett-Lee

© М. С. Перекалин, перевод, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Вторник, 20 декабря 2016 года

Финн уже ни секунды не мог ждать прибытия вертолета. Кому вообще нужны эти вертолеты, когда ты можешь бежать со скоростью 48 км/ч и с легкостью перепрыгиваешь через заборы высотой два с половиной метра? Пес учуял запах преступника, и в нем проснулся азарт преследователя – в такие минуты не требуется отдавать никаких команд. Характер движений Финна изменился, и он начал взволнованно скулить, окончательно давая понять, что у меня есть всего несколько секунд и немного пространства на то, чтобы разыграть то, что должно быть разыграно. Пес, как всегда, знал, что делать.

Мы проходили мимо загородных домов, большинство из которых было увешано переливающимися рождественскими гирляндами, к тупику, где располагалась густая изгородь. Только тут я понял, что мне понадобится фонарик – вещь, которая с момента нашего судьбоносного дежурства почти трехмесячной давности не входила в мой перечень самого необходимого.

Кто-то тут же передал мне фонарик – а тем временем Финн уже находился с другой стороны изгороди. Взяв фонарик в руки, я отказался от помощи: мне достаточно тяжело было работать в паре с другим полицейским, и к тому же Финн тянул меня за собой. Присутствие большого количества людей только усложнит дело.

Я перелез через изгородь – преодоление высоких препятствий – часть нашего обучения – и устремился за Финном в темноту. Растущая луна в небе освещала путь, поэтому я выключил фонарик и пробирался сквозь лес до тех пор, пока Финн не привел меня к забору из колючей проволоки, где я, аккуратно выбрав место, с большой осторожностью сделал для Финна некое подобие моста через острую блестящую при лунном свете проволоку, чтобы пес мог спокойно преодолеть преграду, не причинив себе вреда.

Теперь мы оказались в поле, где было очень грязно и чувствовался стойкий запах лошадиного навоза. Я надеялся, что лошади, стоявшие неподалеку, не испугаются нашего присутствия. Что касается Финна, то он привык к лошадям и может спокойно делать свою работу, как глядя на животных со стороны, так и находясь среди стада. Но меня волновал вопрос: понимают ли лошади, что у собаки другие дела?

Они держались от нас на расстоянии, но, возможно, уже были напуганы нашим подозреваемым и звуками вертолетов, летавших вдалеке. Финн чувствовал себя более взволнованным, чем когда-либо в таких операциях. Ему, как и мне, было что доказывать.

Пес припал головой к земле, начав втягивать носом воздух – его путь прямой как стрела, а нюх никогда не обманывает. Я слепо следовал за ним, стараясь, чтобы ботинки не увязли в грязи. С выключенным фонариком мы подошли к лошадям, и тут я заметил полуразвалившуюся конюшню, которая как нельзя кстати подходила к пейзажу в это время года. Финн остановился, встал в стойку смирно, подняв нос вверх – сейчас он думал, в какую конюшню надо идти.

Теперь я включил фонарик: если подозреваемый находился здесь, лучше убедиться, что у него нет никакого оружия. Находясь рядом с Финном, я ничего не боялся. В конюшнях была солома и висело множество попон. Только одна лежала на полу и была, казалось бы, небрежно кем-то оставлена. Финн понюхал ее, затем стал лаять, и поппона зашевелилась. Но пес схватил ее зубами. Теперь наш подозреваемый никуда не уйдет.

– Мы поймали подозреваемого, — сообщил я по рации. — Финн нашел его.

На том конце провода я услышал восторженные возгласы. И в этот момент как по заказу в воздухе послышалось гудение пропеллера вертолета: вуп-вуп-вуп. Сейчас он летел прямо над головой и как будто приветствовал нас. Финн сделал это.

Он снова в строю.

Глава 1

Среда, 5 октября 2016 года,
два часа ночи

Мы с Финном проводили тренировку, и в этот момент в нашу жизнь ворвались звуки рации. В ту секунду мы искали предметы – подобное упражнение я со своим другом выполняю довольно часто. Как и почти все кинологи, я тренирую моего напарника каждый день. Это позволяет ему (и мне) оставаться в форме и улучшает взаимопонимание между нами. Но, кажется, наша сегодняшняя тренировка неожиданно подошла к концу.

Моим коллегам были нужны люди с пистолетами и собаками. Финн заметно взволновался – так бывает всегда, когда из аппарата, висящего на плече у Папочки, начинают доноситься какие-то звуки. Когда же я ответил, он сразу же взволноваться еще сильнее – ведь это, скорее всего, означало, что мы отправимся в какое-нибудь интересное место.

Кажется, речь шла о вооруженном ограблении водителя такси. На мужчину направили пистолет – по крайней мере, он думал, что это настоящее оружие – и потребовали отдать всю вечернюю выручку. Мужчина поступил благоразумно – остановил машину, оставил деньги и бросился бежать подобра-поздорову. И я не могу винить его за это. В такой ситуации вам не захочется разбираться, настоящий ли это пистолет или муляж.

Вооруженные полицейские первыми прибыли на место происшествия, а мы с Финном приехали следом. После того как на месте было выставлено оцепление, наша задача заключалась в том, чтобы выследить подозреваемого. Мы не могли пойти за преступником одни, потому что у него могло быть с собой оружие. Нам нужно было вооруженное прикрытие, но мои коллеги с оружием всё еще занимались с пострадавшим – водителем кэба – и не могли освободиться до тех пор, пока его не увезли в отделение для дачи показаний.

Финн сгорал от нетерпения, потому что понимал, куда идет дело. Нам показали, в каком направлении бежал преступник, и мой пес уже поймал его запах. Меня огорчал тот факт, что мы находились в оживленной части города, где было много людей, каждый из которых пах как-то по-особенному, и чем дольше мы ждем, пока к нам присоединятся люди с оружием, тем больше становилась вероятность того, что нужный запах смешается с другими. Шли минуты за минутами, и я боялся, что к моменту, когда для начала поисков всё будет готово, этот самый запах растворится в океане других запахов.

Время неумолимо бежало вперед, и поэтому было принято решение использовать для поиска машины, но незадолго перед этим нас попросили отойти и не начинать никаких действий до тех пор, пока диспетчеры всех фирм такси в Стивенидже – городе, где мы находились, – не будут оповещены о том, что происходит и на что надо обращать внимание. Кроме того, мы теперь знали, что это не единственное преступление, совершенное нашими подозреваемыми – в течение всего дня приходила информация о группе преступников, совершавших аналогичные преступления, – возможно, они выехали из Лондона и теперь хотели скрытно вернуться обратно. Но мы надеялись, что им не удастся сделать это с помощью городских таксистов – все местные фирмы временно закрылись.

Стивенидж – типичная столица графства: уровень преступности здесь относительно низкий, и серьезные преступления происходят достаточно редко. Если эта банда еще раз где-нибудь появится, есть шанс, что мы быстро об этом узнаем. У нас была машина, и поэтому нас направили на два обычных происшествия. Одно из них имело место в соседнем городке Хитчин, где наша задача состояла в том, чтобы в центре городка, который обычно бывает многолюдным, найти человека, возможно, никогда и не существовавшего. Сейчас на дворе стояла глубокая ночь, темная и холодная, и, насколько я мог видеть (а Финн, соответственно, чуеть),

ни рядом с нами, ни поблизости не было ни души. Поэтому Финн радовался возможности свободно побегать и обследовать подход к каждому дому, каждый лестничный пролет, каждый проулок, всё время осторожно озираясь на случай, если что-нибудь случится рядом с нами или – не дай Бог – мы найдем кого-то, кто будет не добр по отношению к нам.

Такой патруль – или, лучше сказать, такая прогулка – никогда не помешает. Ничего не пройдет даром, если ты гуляешь по улице с полицейской собакой. Это как с карапузами – всегда есть шанс, что они (а заодно и мы) научатся чему-то новому. И мы действительно научились. Удалось найти несколько таких укромных мест и закоулков, которые мы раньше никогда не встречали. Мы также обнаружили несколько необычных мест, в которых можно провести тренировку. (Умение ориентироваться в различных ситуациях – один из ключевых навыков, вырабатываемых в процессе дрессировки собак; если они будут нормально реагировать на смену обстановки, то мы сможем выполнять поставленные задачи независимо от обстоятельств.)

Когда мы шли обратно к полицейской машине, случилось происшествие, аналогичное тому, на которое нас вызвали с самого начала. Нельзя сказать, что мне было абсолютно понятно, что скрывалось за этим словом «происшествие». Просто подозрительный инцидент в Стивенидже, странные события, зафиксированные камерами наблюдения, и доклады о том, что в сторону Лондона движется подозрительное такси.

Поэтому мы быстро поехали назад и как только вернулись на нужное нам место, к моей машине подошел полицейский из группы прикрытия и сказал, что его подразделение послали на вызов в соседний дом. Он был совсем рядом – его можно было видеть с нашего места, – так что я, оставив Финна, отправился пешком помогать своим коллегам, прощупывая почву данного дела.

Дом, куда нас вызвали, находился за небольшим рядом магазинов. Напротив дома располагался сад, примыкавший к зоне, куда подвозят продукты, которая с одной стороны была огорожена оградой с закрытыми на замок металлическими воротами высотой в полметра, а с другой – кирпичной стеной. Единственной возможностью для находящихся в доме, кем бы они ни были, выйти на дорогу, если не считать основного выхода, был узкий проход через аллею между крайним магазином и кирпичной стеной.

Все было не так уж и плохо. Ведь полицейские вовсе не собирались везти сюда цветы. Здесь, возможно, – и даже вполне вероятно – находился тот тип, с которым мы чуть не столкнулись ранее и который, возможно, был виновником нового происшествия. Водитель второго такси, подобравшего подозрительную компанию, видел, как один из пассажиров выбросил что-то на дорогу – по словам мужчины, это мог быть металлический шарик или пуговица, – и кто-то сразу же подобрал этот предмет и спрятал его.

В такой ситуации не было нужды выпускать Финна на сцену. Он должен был оставаться в машине вместе со своим товарищем – собакой по кличке Жемчужина – и терпеливо ждать, хотя я понимал, что мой друг не способен на такое. Но в данном случае надо было просто постучать в дверь и ждать, хотя мы сами не знали, чего именно, потому что, несмотря на всю собранную информацию, не понимали, с кем имеем дело.

Было известно только, что преступник ранее бывал в этом доме. И – ясное дело – вовсе не за тем, чтобы привезти в магазин зелень из *Tesco*. Мы тихо постучали в дверь, и внутри послышался знакомый шум, возраставший с каждой секундой.

Если вам когда-нибудь приходилось открывать дверь силой, как время от времени делаем это мы, вы поймете, о каком именно шуме я говорю. Сначала это глухие звуки, которые потом становятся раскатистыми, отражаясь от стен, и, наконец, превращаются в дребезжащий звон издаваемый мебелью, стоящей возле двери.

Всё выглядело так, будто кто-то пытается ворваться в дом, но логика подсказывала нам, что это маловероятно. Мысль, что кто-то пытается убежать из дома, была бы ближе к истине. Может быть, находящийся внутри человек оказался в беде? Грозит ли ему опасность, которую

он старается избежать? Возможно ли, что кто-то стремился проникнуть в дом, желая совершить преступление? Или он *уже сделал* свое черное дело и хочет скрыться? У нас не было возможности узнать наверняка.

– Я приведу сюда Финна, — сказал я своим коллегам. У дома собралось четверо полицейских — более чем достаточно, чтобы следить за главным входом в дом. В то же время у черного входа, где сейчас происходили все основные события, не было никого. Нас больше волновало, что с задней части сада кто-то уже как будто бы пытался бежать.

Когда я возвращался к машине, Финн заметил меня из окна. Он был очень взволнован. Уровень адреналина у меня в крови тоже повысился, главным образом потому, что глухие звуки неожиданно прекратились, сменившись шумом, который мы с Финном хорошо знали. Это был звук человека, перепрыгивающего забор. Значит, наш, так сказать, «садовый прыгун» решил убежать.

Финн уже изучил мое обычное поведение в те минуты, когда я возвращаюсь к машине, чтобы забрать его, поэтому мне не требовалось давать никаких команд. Он уже вертелся в своей клетке, всем своим видом говоря, чтобы его выпустили — надо сказать, что это вошло у него в привычку, которую я, однако, не поощряю, и я своим приближением лишь усилил этот его порыв.

Сейчас было не то время и место, чтобы попытаться избавиться от этой привычки, и, оставив это дело до лучших времен, я нащупал поводок, который обмотал вокруг запястья. Так делают все кинологи, отрабатывая специальный навык на случай, если понадобится быстро спустить собаку, когда на горизонте появилась машина, которую необходимо догнать, чтобы сделать это не теряя времени.

Финн был более чем готов к выходу. Он с самого рождения был готов двигаться куда-то. И именно поэтому он стал таким хорошим полицейским псом. Я подошел к машине, открыл клетку, поймал выпрыгнувшего Финна и посадил его на поводок. Удержать рвущуюся бежать изо всех сил собаку вовсе не так просто, но контроль должен быть прежде всего, так как, возможно, нет необходимости начинать преследовать свою цель сразу, обстановка на дороге может быть сложной или даже опасной. В один прекрасный день контроль может спасти жизнь собаке или ее хозяину.

Сразу после того как Финн вышел и я закрыл дверь машины, моя рация снова затрещала. Полицейские заметили двух человек, вышедших из дома и находившихся в зоне доставки продуктов перед магазинами, — вероятно, одним из них был «садовый прыгун», которого я слышал ранее. Сейчас к металлическим воротам подъехала полицейская машина, одновременно осветив и зону доставки продуктов, и стену с другой стороны, там, где была аллея, по которой можно было сбежать.

Предполагая это, я остановился перед выходом из магазинов. Финн тянул меня вперед. Он зарылся носом в землю, заставляя с каждым шагом бежать всё быстрее, чтобы добраться до цели — цели, до встречи с которой мы не могли быть уверены, что увидим своих родных после сегодняшней ночи.

* * *

Скоро мы увидели главного противника Финна, хотя пес еще не понимал этого, — он бежал во всю прыть по находившейся рядом аллее. Он остановился буквально в пятнадцати-двадцати метрах от нас. Мы продолжали преследовать его. Внезапно повисла тяжелая тишина. Мужчина, как своеобразный кролик, попал в свет прожекторов, осветивший всю его фигуру, стоявшую в конце аллеи.

Он никак не мог решить, что же делать дальше. И я всеми силами старался повлиять на его выбор.

– Полиция, — крикнул я что было сил. — Стоять!

Мужчина меня не послушался. Но, по крайней мере, Финн теперь видел его. На нескольких секунд я замялся, решая, что делать дальше. Бежавший был атлетичным юношей гораздо моложе меня, у него на спине висело что-то похожее на мешок, правую руку он как-то странно прижимал к телу, а его взгляд, несмотря на сложившуюся ситуацию, оставался невозмутимым. Обычно люди, которые убегают от кого-то, держат руки совсем по-другому. Мы побежали за ним, и я понял, что, что он держит какой-то вытянутый острый предмет размером с полицейскую дубинку.

Значит, юноша *вооружен*. «Думай, что делать дальше, Дэйв!» — сказал я сам себе.

И я принял решение. Мужчина продолжал бежать. Мы с Финном преследовали его по пятам, как раз вовремя свернули за угол, чтобы увидеть, что он завернул на соседнюю улицу и перебегает на другую сторону дороги. Я нажал на своей рации тревожную кнопку, перекрывающую все частоты, кроме моей, и заорал, что преследую подозреваемого, который может быть вооружен.

Особенность экстренного канала состоит в том, что когда ты переключаешься на него, он остается включенным и всё время, поэтому, продолжая погоню, я мог передавать новую информацию без необходимости нажимать на кнопку и не опасаясь упасть. Также я мог спокойно выкрикивать в сторону подозреваемого обычное для полицейских с собаками предупреждение: «Я полицейский с собакой! Остановитесь, иначе я спущу пса!», и этот крик будет слышен на всех частотах. (Если быть честным, то лишь в пределах соседних улиц.) Увидев указатель, я также мог сообщить адрес, чтобы все коллеги знали, где мы находимся.

Мужчина посмотрел на нас и скрылся в полной темноте, продолжая держать правую руку странным образом. Я пытался рассмотреть его оружие: чтобы это ни было, подозреваемый, конечно, тщательно скрывал его.

Следующее решение было принято мною наугад. Подозреваемый молод, передвигается быстро, возможно, вооружен дубинкой и, скорее всего, недавно совершил преступление. Мне ничего не было известно о том, кем он был, куда и с какими намерениями направляется. Но если бы я не послал Финна вперед за мужчиной, то он убежал бы еще дальше, совсем исчезнув из поля зрения.

Я не могу сказать, в чем причина, но с Финном я бегаю быстрее, чем без него, но, с другой стороны, у нашего подозреваемого не было оборудования весом в девять килограммов, которое имел я. К тому же на нем не было моих тяжелых сапог. Будучи не таким проворным, я бы не смог догнать этого молодого человека. Финн же, в отличие от меня, в одиночестве мог бежать со скоростью сорок восемь километров в час и догнал бы подозреваемого за несколько секунд, остановив его, таким образом я смог бы взять ситуацию под контроль, арестовав парня.

Взвешивая все «за» и «против», я еще раз произнес предупреждение. Затем, когда подозреваемый вновь никак не отреагировал, я наклонился к Финну, спустил его с поводка, сказав: «Фас», а сам помчался следом. Но он быстро пропал из вида, проворно завернув за угол. Преодолев это расстояние, я увидел лишь хвост моего питомца, заходящего с черного хода в какой-то сад.

У меня не было времени включить фонарик, поэтому сад оставался в темноте, но тут из-за кустов возник Финн, ищущий человека, который вновь был на свету – на этот раз освещенный мигающим светом сигнализации, – когда он делал рывок к высокому забору.

Я вновь прокричал: «Стоять, полиция!», но уже в который раз подозреваемый проигнорировал мои требования. Вместо того чтобы остановиться, он попытался перелезть через забор. Снова увидев свою добычу, Финн, находившийся в тот момент в ста метрах от него, опять начал погоню. Я был уверен, что если я не смогу остановить человека, то мой пес уж точно это сделает.

Как только мужчина залез на край забора, Финн схватил его зубами за ногу и тянул вниз до тех пор, пока подозреваемый не упал на лужайку. Затем, как его и учили, пес стал тащить мужчину в мою сторону.

Всё еще надеясь убежать, подозреваемый неожиданно перевернулся на спину, но Финн не растерялся и, как только мужчина встал, снова схватил его за ногу.

Я подошел и стал надевать на пса ошейник, а в это время мужчина лежал на спине, положив руки под туловище.

– Слушайте меня, — сказал я ему. — Прекратите бороться с моей собакой. — Лишь поняв, что я полностью контролирую ситуацию, я позволил Финну отпустить мужчину.

Только я хотел продолжить разговор с подозреваемым и произнести слова: «Не двигайтесь! Вы арестованы», как вдруг что-то отвлекло меня. В этот момент, так же, как и при первой встрече с мужчиной, у ограды в саду, мне показалось, что время остановилось. Или, по крайней мере, стало очень долго тянуться. Эти пару секунд, которые я воспринял как секунд двадцать, мелькали у меня перед глазами в течение нескольких недель.

Я стоял позади Финна, широко расставив ноги, моя голова была сантиметрах в двадцати от его головы, когда увидел, что мужчина чем-то ударил мою собаку в грудь. Финн всё еще продолжал держать подозреваемого за ногу, оттягивая его от забора, и хотя я видел сам момент удара, я и понятия не имел, чем именно он был нанесен.

Пытаясь это выяснить, я обнаружил ужасные подробности.

Мужчина приподнялся на локтях, как будто собирался сесть, и тут начался настоящий кошмар. Я заметил, что он потянулся рукой куда-то назад и достал некий блестящий предмет, и когда он вонзил его в грудь Финна, я понял, что это большой кусок металла темного цвета. Теперь он торчал у Финна из груди. Это было то, что я меньше всего хотел увидеть – предмет, ни капельки не похожий на полицейскую дубинку. Он был очень темным и широким и полностью покрытым кровью. Это был нож. Он был таким длинным, что выходил из... Нож напоминал охотничий – я до сих пор помню тот ужас, который меня охватил, когда я его увидел. Оружие было действительно огромным: лезвие, должно быть, двадцать пять сантиметров длиной.

Пока я понял это, прошла всего лишь доля секунды, но она показалась мне вечностью.

– Ты ранил мою собаку! — выпалил я, обращаясь к мужчине. — Кусок дерьма!

– А что вы хотели? — ответил он с ледяным спокойствием в голосе. Затем подозреваемый снова потянулся, но в этот раз не в сторону Финна, а ко мне, сжимая в руке нож.

У меня не оставалось времени, чтобы среагировать на это движение. Но в дело вмешался разозленный Финн. Он крепче сжал ногу зубами, поднял ее вверх и стал сильно трясти. Внезапно усилившийся напор был неожиданным для преступника, и всё, что он смог сделать – это ранить Финна ножом в голову, а поскольку моя рука находилась рядом, то удар пришелся и на нее тоже.

Хотя времени на то, чтобы полностью осознать произошедшее не хватало, стоять и ждать, пока преступник нанесет следующий удар, было нельзя. Моей жизни сейчас угрожала опасность, а Финн, возможно, был смертельно ранен, однако, несмотря ни на что, героически продолжал держать подозреваемого за ногу: я думаю, именно это обстоятельство вынудило мужчину снова лечь на спину. Я придержал Финна, крепко сжал поводок раненой рукой (как же все-таки хорошо, что в такие моменты в нашем организме вырабатывается адреналин – я еще не понимал, что у меня идет кровь), а другой схватил мужчину за волосы. Затем при помощи Финна я поднял мужчину так высоко, насколько это было возможно, а после бросил на землю.

Мужчина не выпускал нож из рук, поэтому мы должны были повторить все наши действия снова. На этот раз мне и истекающему кровью Финну удалось справиться с задачей и обезоружить нашего противника.

Сзади послышался шум. Нас нашли мои коллеги.

Я сказал Финну, чтобы он отпустил ногу преступника. Мои коллеги взяли ситуацию под контроль.

На этом кошмар для меня закончился. Но для Финна он только начинался.

Глава 2

Если хотите огорчить полицейского кинолога – огорчите его собаку. Если хотите огорчить собаку – огорчите ее кинолога.
Расхожая поговорка среди кинологов

Первые двое полицейских, с громким шумом проникшие в сад через металлические ворота, были те самые люди с оружием, которых мы изначально вызывали в качестве подкрепления. Я не говорил им, где нахожусь: должно быть, они пришли сюда, потому что услышали какую-то возню.

Потом сюда подоспели и другие мои коллеги. Скоро в этом маленьком саду собралось пять или шесть полицейских. В тот момент я не вполне понимал, что происходит вокруг: всё мое внимание было приковано к Финну. В то время как двое стражей правопорядка задерживали преступника, другой мой товарищ дал мне фонарик. И хотя было понятно, что Финн чувствует себя очень плохо, он позволил мне перевернуть себя на бок, чтобы я мог лучше рассмотреть его раны.

Вокруг было море крови. Из-за нее шерсть на животе Финна оказалась скользкой. Но мне никак не удавалось найти саму рану. Тогда я поднял Финну лапу и услышал шум, от которого у меня застыла в жилах кровь. Этот шум создавался воздухом, входившим в тело Финна через отверстие, которого не должно было там быть.

– Ах ты, гад! — закричал я, найдя рану. — Ты ранил мою собаку, чертов кусок дерьма!

Это, конечно, не тот язык, которым я могу гордиться, но, казалось, в тот момент слова сами срывались с моих губ. У Финна продолжалось кровотечение, кровь испачкала мне руки и насквозь промочила штаны. Неужели мой мальчик умрет прямо здесь, у меня на глазах?

– Мы должны идти! — отчаянно закричал я. — Мне нужно к ветеринару. Сейчас же!

В это время я почувствовал, как кто-то едва коснулся моего плеча. Я услышал знакомый мягкий голос.

– Дэйв, дай мне ключи от своей машины. — Это был мой коллега Скотт. — Я тебя отвезу в ветклинику. Мы уже предупредили врачей, поэтому они ждут нас. Трясущимися руками я достал ключи из кармана, бросил их Скотту, взял Финна на руки и побежал обратно через сад и поле к своей машине, где мне пришлось снова положить Финна на землю, чтобы открыть клетку. Тем временем Скотт уже сел на водительское сиденье и завел машину. Что касается Жемчужины, то за годы службы в полиции она привыкла к разного рода драмам, сейчас она поняла, что случилось что-то действительно страшное, и вела себя необычно тихо. Она просто сидела и смотрела на нас из клетки.

Я осторожно, как только мог, посадил Финна в его собственную клетку, из-за крови кипенно-белая шерсть пса стала влажной. Мне с трудом приходилось сдерживать страх, усиливавшийся с каждой минутой. Есть ли еще надежда, что Финн переживет этот ад, если он уже потерял столько крови?

Я осознавал всю опасность положения Финна, потому что знал, насколько быстро человек, которого ранили в сердце, может умереть от потери крови. Однажды мне пришлось стоять и беспомощно смотреть, как угасает молодой парень, несмотря на все усилия врачей. Поэтому примерно понимая, куда ранен Финн, я был в отчаянии. Успеем ли мы вообще доехать до ветеринара?

Я бежал машину и резко сел на переднее пассажирское сиденье, убрав перегородку, разделявшую клетку и кабину грузовика. Я уже говорил, что обычно делаю так, если мне надо быстро вывести Финна из машины, но сейчас я хотел успокоить своего друга, пока мы будем ехать. Я понимал, что с каждой минутой ему будет всё хуже.

К счастью, ближайшая круглосуточная ветеринарная лечебница находилась всего в паре километров от нас, а мы включили спецсигналы и сирену, сообщая по всем радиочастотам, что едем. Теперь о ранении Финна знали уже все, потому что, окончательно разобравшись, в чем дело, я орал в рацию слова: «Он ранил мою собаку», надеясь, что меня кто-нибудь услышит. Именно мои коллеги, находившиеся в состоянии шока от увиденного, и предупредили ветеринара о случившемся. Я слышал, как моя знакомая – кинолог по имени Каз, – отказываясь от чьей-то помощи, говорила:

– Нет, мне ничего не нужно! Послушайте! Финн и Дэйв получили ранение! Нам всем прямо сейчас нужно ехать в Стивенидж!

Затем в переговоры вмешался начальник местной полиции, спрашивавший, на каком основании на место было вызвано вооруженное прикрытие. Я поднес рацию ко рту:

– Вообще-то этот поганый мерзавец только что ранил меня и мою собаку. Как вы думаете, это достаточное обоснование?

Ответ был коротким и спокойным, и реакция последовала незамедлительно. В бой вступила небольшая армия.

* * *

Я не имел понятия, насколько серьезные травмы получил Финн, но его кровотечение не прекращалось. Несмотря на это пес был не столько напуган, сколько взволнован: он скулил, визжал и, как это бывало всегда, если мы включали проблесковые маячки, отказывался ложиться: очевидно, он считал, что впереди предстоит новый срочный вызов. Однако я понимал, что это ничего не значит: такое поведение было, как и у меня, лишь следствием выработки адреналина, еще остававшегося в крови.

Что же касается меня, то я был очень напуган, так как не понимал, где кончаются следы от крови Финна и начинаются мои. Только открыв клетку Финна по приезду в ветеринарную клинику, я понял, насколько невероятным было то, что Финн выжил. Когда врачи спросили меня, сколько крови потеряла собака, вместо ответа я подвел их к машине, чтобы они могли оценить всё своими глазами.

Они вернулись молча и стали спешно готовиться к осмотру Финна. Хотя мне никто не предлагал, я взял моего друга на руки и сел на пол, который немедленно из нежно-зеленого тоже стал красным. Всё, что я мог сделать – это максимально крепко держать грудь Финна, пока подошедшие медики стригли псу шерсть, чтобы поставить капельницу, надеясь таким образом улучшить состояние пса и выиграть время для проведения необходимых действий – то есть осмотра ран.

И как только они поставили капельницу, я услышал тот же самый леденящий душу шум, что и тогда в саду. Это похоже на звук воды, утекающей после того, как из ванной вынули пробку. Значит, дело очень серьезное. Этот шум вызывал воздух, проникавший в грудную клетку Финна. Он запомнится мне надолго.

* * *

В ту ночь я принимал в спасении Финна самое активное участие. Я делал это не потому, что имел большой опыт работы ветеринаром, просто мне нужно было быть рядом с моим другом, нужно было помочь ему. О том, что я буду сидеть в комнате ожидания, не могло быть и речи. Я должен был оставаться с Финном до конца, потому что на протяжении последних семи лет он всегда был со мной. Мысль о том, что я оставляю друга в одиночестве в тот момент, когда он, возможно, умирает, была для меня невыносимой.

Поэтому я не ушел в комнату ожидания, и врач, видимо, понимая, что спорить со мной бесполезно, позволил мне сделать всё, что было в моих силах.

Моя роль в основном заключалась в том, чтобы морально поддерживать Финна, глядя и успокаивая целовать и обнимать его, пока ветеринары будут проводить осмотр, чтобы немного уменьшить его страх, раз уж я не могу ничего поделать с болевыми ощущениями.

Любой, кто видел своего обожаемого питомца в критическом состоянии, понимает, какие чувства я испытывал в тот момент. Дыхание Финна было частым и прерывистым – так дышат, если тебе отчаянно не хватает кислорода, – и я понимал, что теперь адреналин тут не при чем. Дело было в том, что в груди у пса скопилось слишком много воздуха, мешавшего нормальной вентиляции легких, как если бы кто-то сидел на его ребрах. С каждым вздохом организм собаки старался получить как можно больше кислорода, но безрезультатно. Финн угасал прямо у меня на глазах.

Мне казалось, что я нахожусь в эпицентре невероятно сильного шторма. Повсюду была кровь и летали клочья шерсти, рация непрерывно трещала, звонили мобильные телефоны, пищали различные приборы, а по углам комнаты, думая, что я ничего не слышу, врачи вели свои разговоры. Эта ситуация была из разряда самых невероятных происшествий, какие только могут происходить с людьми, ситуаций, которые мы обычно видим лишь в новостях или голливудских фильмах. Поэтому все собравшиеся в тот момент в помещении – ветеринарный врач, две медсестры, Скотт, который привез нас сюда, и, конечно, я, сидевший на полу, как того требовала ситуация, – казалось, не знали, что лучше всего сделать в данном положении.

А посреди всего этого пугающе тихо лежал мой друг, такой же добрый и верный молодой пес, каким он был все эти годы, который доверил *мне* и людям, собравшимся вокруг, спасение своей жизни. У него не было даже мысли сопротивляться ветеринарам, причинявшим ему еще больше страданий, он оставил всё на мое усмотрение и, слушая мой голос, позволял медикам делать свою работу. Пес даже нащупал мою рану и попытался ее почистить. Несмотря на то что Финн получил очень тяжелое, возможно, даже смертельное ранение, для него всё равно самым важным было *мое* самочувствие. Наблюдая за ним, я, можно сказать, получил второе ранение – на этот раз в сердце. После всего того, что с ним случилось, пес продолжал думать о своем папочке.

С каждой минутой его дыхание учащалось, становясь всё более тяжелым, и, пока ветеринары продолжали осматривать его, внутри у меня всё сжималось от ужаса. Почему же они *ничего* не делают с моим мальчиком? Я не удержался и спросил ветеринаров: неужели они будут просто стоять и смотреть, как собака умирает от потери крови? На самом деле я, конечно, не хотел никого обидеть, я просто был очень расстроен и сердился. Безусловно, медики были профессионалами своего дела и никак не ответили на мой вопрос.

На самом деле они внимательно оценивали состояние собаки и, наконец, облегченно вздохнули, сказав, что Финна можно отправлять на рентген, мы вчетвером подняли его, положили на каталку и осторожно отвезли в абсолютно темную комнату. Там, конечно, пса пришлось оставить одного.

Финн спокойно дал мне уложить его на нужное место и уйти.

До того дня он повсюду следовал за мной, не отпуская ни на шаг, поэтому его поведение лишь еще больше напугало меня. Я испугался так сильно, что подумал, что задыхаюсь, и когда рядом оказались двое коллег, Конрад и Карл, уговорил последнего остаться рядом с Финном, пока я сбегая на улицу, чтобы немного подышать свежим воздухом.

Сопровождавший меня Конрад не пускал обратно, пока я не промыл и не перевязал свою рану. Не было никакой суеты или ссор (хотя в тот момент я плохо запоминал события) – просто мы помогали друг другу как коллега коллеге.

Каз со своей собакой по кличке Отто всё еще оставалась на месте ограбления водителя такси, выслеживая подозреваемых. Так как предполагалось, что на свободе остаются еще

несколько членов банды, операция была в самом разгаре. Позже я был поражен, узнав, что Карл и Конрад приехали ко мне из городов Хемел-Хемстед и Кембридж, находящихся от Стивениджа примерно в сорока пяти и сорока восьми километрах, соответственно. Карл также закрывал мою машину: увидев, сколько крови потерял Финн, он был удивлен, что пес всё еще жив.

В больницу приехал ветеринар по фамилии Хейли: значит, моего питомца ждет новый осмотр, а также болезненная операция по зашиванию колотой раны на голове, тянувшейся от уха до ресницы. Когда кто-то осматривал Финна, это оборачивалось для него новыми болезненными мучениями. К счастью, сейчас кровотечение, кажется, замедлилось, что было уже само по себе хорошо, однако оставалось непонятно, не началось ли у него внутреннее кровотечение. Новый осмотр также привел к обострению основной проблемы: поднимая ему ногу, мы снова вызвали поступление новой порции воздуха в грудь Финна, в результате чего дышать ему стало еще труднее. Тот факт, что сейчас пес вдыхал стопроцентный кислород, не имел никакого значения: если вентиляция легких станет невозможна, то он не сможет дышать. А затем наступит смерть.

Поэтому все вокруг снова начали тихо суетиться, снова и снова мы, поднимая пса, пытались перевязать рану, обматывая его тело с помощью специальной липкой пленки, пытались создать своеобразный кожух перед тем, как мы будем забинтовывать его. Но чем чаще мы двигали Финна, тем больше воздуха попадало ему в грудь. Было件нятно, что, несмотря на то что врачам удалось ранее перевязать псу рану на груди, мы ведем борьбу с естественными процессами и обречены на провал.

Невооруженным глазом было видно, как ухудшается состояние Финна. Прежде худой, физически натренированный пес раздувался, словно бочка, и по мере того, как под действием скопившегося в организме воздуха давление на его легкие возрастало, это приводило к необходимости избавиться от него за счет движения, делая тщетными все наши предыдущие попытки перевязать рану. У нас не оставалось другого выбора, кроме как, используя поршневой шприц с клапаном, откачивать воздух из груди Финна, одновременно пытаюсь закрывать рану, чтобы не допустить его попадания обратно. Это было медленное, тяжелое и крайне бесперспективное занятие. Но мы должны были справиться со своей задачей, чтобы стабилизировать состояние Финна перед предстоящей ему транспортировкой для операции. Операции, которая, по словам Хейли, была единственным шансом спасти моего друга. Но время неумолимо шло вперед, и положение становилось всё более отчаянным. Если мы не сможем предотвратить попадание воздуха в грудную клетку Финна, то он умрет еще до операции. *Надеясь на лучшее*, я пытался не поддаваться панике. Я никак не мог подготовиться к худшему, потому что никогда не сомневался в своем питомце, но сейчас он, очевидно, находился в очень тяжелом состоянии.

* * *

В двадцати минутах езды от нас, в деревне Хайэм Гобен, находилась ветеринарная клиника *Davies Veterinary Specialists* – одно из немногих мест, где имелось всё необходимое, чтобы помочь Финну пережить эту ночь. Было уже четыре часа утра, когда за нами приехал полицейский фургон, в котором обычно перевозят заключенных. Однако в то утро мы с Финном вместе с Хейли отправились на нем в клинику. Мы сидели в окружении различных приборов, ко многим из которых, включая баллон с кислородом, бывший в условиях затрудненной работы легких жизненно необходимым, подключили моего пса.

Вопреки (а может быть, благодаря) уколу морфина, Финн снова выглядел очень взволнованным. Поэтому, пока машина с трудом и ревом пробиравась по дороге, я начал трепать его за уши и шептать приободряющие слова, чтобы успокоить.

Как и тогда в саду, когда пару секунд показались мне целой минутой, так и сейчас каждая минута, в течение которой Финн мог умереть, представлялась мне отдельной жизнью. Но,

наконец, мы приехали на место, где нас уже встречала целая группа ветеринаров. Пока Хейли передавал врачам бумаги о состоянии здоровья Финна, группа медсестер, убедившись, что в его организме достаточно кислорода и морфина, ввела ему наркоз, а затем очень аккуратно поставила ему в грудь специальный зонд, чтобы следить за уровнем выкачиваемого воздуха и хоть чуть-чуть облегчить его дыхание.

Старший ветеринар клиники по имени Ронан, смотря на меня поверх очков, объяснял, какими будут следующие шаги врачей. Сначала они перевяжут рану (мне оставалось только верить, что у них это все-таки получится) и будут измерять уровень притока воздуха в легкие и из них, чтобы получить более полное представление о том, что происходит в организме Финна. Вскоре забрезжил первый робкий луч надежды на выздоровление: измерив псу давление, Ронан был очень обрадован, что нож задел лишь легкое.

– Но вы, Дэйв, больше ничем не можете ему помочь, — вежливо сказал он мне. — Подлечите свои раны и уезжайте отдыхать домой.

Я знал, что когда-нибудь этот момент настанет, так как всё обычно идет по заранее заведенному порядку: сначала совершается преступление, затем я должен показать свои раны доктору и, наконец, задокументировать это, так как это тоже своего рода доказательства. Но поскольку я не имел никакого представления о том, увижу ли я еще моего друга живым, то при мысли о расставании с ним мое сердце разрывалось.

– Папочка любит тебя, — прошептал я, уткнувшись лицом в шерсть Финна. — Тобой можно гордиться.

Он ответил мне, слабо помахав хвостом.

– Пожалуйста, спасите моего мальчика, — умолял я Ронана. — Сегодня он спас мне жизнь.

Главврач больницы ответил, что постарается сделать всё, что в его силах.

* * *

У меня не было другого выбора, кроме как поступить так, как мне сказали. Сержант полиции отвез меня в ближайшую больницу, я остался глух ко всем его попыткам завязать со мной разговор. Несмотря на всё его добродушие, мне было попросту нечего ему сказать. Я онемел. Мною завладели опустошение и страх. Я думаю, что за весь разговор со своим собеседником произнес не более десяти слов: адреналин в организме закончился, и мое сознание было заполнено ужасными воспоминаниями. Этот нож, металлический блеск, тот момент, когда оружие вонзается Финну в грудь. Затем другое воспоминание: подозреваемый направляет нож на меня, но мой друг нейтрализует удар, подставляя голову, и после долгое время держит подозреваемого за ногу. Мой пес никогда не сдастся, никогда не отлынивает от работы.

Как и все пациенты, приезжающие в отделение скорой помощи, я должен был сначала пройти регистрацию. Судя по табло, которое показывало время, я простоял в регистратуре полтора часа, однако совершенно этого не заметил. Дежурной медсестре пришлось задавать все необходимые вопросы дважды.

Затем вместе с сержантом мы сели ждать своей очереди, но скоро (по крайней мере, для меня) стало понятно, что в условиях, когда Финн находится между жизнью и смертью, я ни при каких обстоятельствах не смогу просидеть четыре с половиной часа в комнате ожидания. Я оглядел людей, которые обычно приходят в отделение скорой помощи, — у большинства из них разбиты головы, вывихнуты руки и ноги или же покраснели от чрезмерного пьянства лица. Моя же рука была в порядке. Ведь в госпитале для животных коллега перевязал ее. Да, на ней есть порезы, но от этого она же не отвалится прямо сейчас? А каждая минута в ожидании чего-то большего, чем простое заполнение бумаг, представлялась мне пустой тратой времени, которую я не должен и не могу допустить. Моя обязанность — быть с моим мальчиком, верно?

Сержант, без сомнения, знавший и понимавший всю тяжесть моего горестного положения, пошел узнать, что можно сделать в данной ситуации. К счастью, для меня – хотя в тот момент я еще не знал этого – немного раньше сюда же привезли одного небезызвестного мне человека. Это был наш молодой подозреваемый, которого доставили в наручниках с жалобой на укусы собаки. Я думаю, что, узнав это, сержант сказал примерно следующее:

– Вы помните молодого человека, который ранее напал с ножом на полицейскую собаку и ее хозяина? Так вот этот человек и есть ее хозяин. Его собака находится в очень тяжелом состоянии, и у мужчины нет никаких сил сидеть здесь. Есть ли хоть какая-то надежда на то, что вы примете его сейчас же?

В результате через несколько минут меня вызвали в отдельный кабинет, где осмотрели и сфотографировали раны. С сожалением надо признать, что правда состоит в том, что во многих случаях бывает так: если ты человек в форме, то в больнице тебе не слишком рады. Врачу, которая меня осматривала, я должен сказать большое спасибо: она была очень добра и внимательна ко мне и помогла потихоньку начать приходить в себя. Женщина сказала, что мне очень повезло и, должно быть, нож был очень острым. Она также знала, в каком тяжелом состоянии находится Финн, знала, что он настоящий герой, которому, по-видимому, повезло меньше.

– Как он себя чувствует? — спросила она, стараясь не задеть меня за живое.

– Не слишком хорошо, — последовал ответ. — Как, впрочем, и я. Хотелось бы оказаться рядом с ним.

– Ваша собака поправится, — ответила женщина. — Врачи приложат все усилия, чтобы поставить ее на ноги.

Речь доктора была совсем короткой, однако она успокоила меня.

Женщина снова перевязала мои раны, на этот раз наложив на них пластырь *Steri-Strips*. Но после этого мне не разрешили вернуться к Финну, поскольку людям, ведущим расследование и уже забравшим у меня машину и оборудование, требовалась и моя форма.

– Прошу прощения, Дэйв, — сказал сержант извиняясь, — но я должен отвезти тебя домой, а потом кто-нибудь придет и заберет одежду. Ты же знаешь, как это делается.

Было уже семь часов утра. Наступал новый день. Город пробуждался ото сна. Всё вчерашнее осталось в прошлом. Люди начинали заниматься своими делами.

Конечно, мой коллега был прав. Я и сам был полицейским, поэтому знал, как всё устроено.

Глава 3

Самый большой страх собаки – это боязнь того, что однажды, уходя из дома один, без нее, вы больше не вернетесь к ней.
Стэнли Коррен, специалист по психологии собак

Моя старшая дочь Джейми записалась в Лондоне в секцию плавания. Она регулярно ранним утром ездит туда на занятия, и в то время как я нехотя отправлялся в клинику, моя жена вместе с тремя нашими дочерьми совершала путешествие в столицу и обратно длиной в сто двадцать с небольшим километров, отвозя Джейми в секцию, а младших детей в школу.

Обычно, если я работал в ночную смену, то как раз в это время жена ожидала от меня весточки (чаще всего это было СМС-сообщение), сообщавшей, что у меня всё в порядке и я еду домой отсыпаться. Не получив ее (мы оба работаем полицейскими, поэтому такая ситуация происходит довольно часто), она включила на своем *iPhone* локаатор, чтобы посмотреть, где я нахожусь. Поняв, что я в больнице, она, конечно, позвонила мне.

Валясь с ног от усталости и желая осознать произошедшие события, я не отвечал ни на какие сообщения от коллег и начальства. Единственный звонок, на который я бы непременно ответил, мне очень не хотелось получать. Если нет звонка, значит, нет и новостей – подумав, я решил, что это уже хорошая новость. Но на звонок от жены я тоже не мог не ответить. Я стал говорить Джемме какие-то глупости про то, что я поздно освободился с работы и теперь еду домой, думая, что так будет лучше для нас обоих и прежде всего для нее, так как она едет за рулем, и надеясь сказать ей правду, когда моя семья благополучно доберется до дома.

Но план практически сразу потерпел крах.

Через минуту после первого звонка Джемма вновь набрала мой номер:

– Дэйв, скажи, что у тебя происходит, черт возьми? — спросила жена.

Оказалось, она получила сообщение от коллеги, который писал, что только что узнал, что с Дэйвом и Финном что-то случилось, и просил узнать, не требуется ли какая-то помощь. Но так как в машине вместе с женой ехали и мои дети, я не мог ничего рассказывать и постарался успокоить супругу.

– Отвези детей в школу и приезжай домой. Буду тебя ждать, — ответил я.

* * *

Домой меня отвозил тот же самый сержант, который забирал в больницу, и снова я едва ли обмолвился с ним парой слов. Выполнив всё, что было нужно, я остался наедине со своими мыслями.

Так как я работал полицейским, в памяти у меня всегда было много такого, что хотелось бы выкинуть из головы, но ты должен как-то отрефлексировать это, иначе что еще остается делать?

За годы своей службы я видел пострадавших в перестрелках, участвовал в столкновениях с применением холодного оружия, видел коллег из отрядов прикрытия, у которых от постоянного нажатия на курок стиралась кожа на пальцах, сталкивался с преступниками, наставлявшими на меня пистолет. Я выезжал на серьезные аварии, видел оторванные руки и ноги, искал людей, которых на полной скорости выбрасывало из машин. Меня даже просили найти лес для человека, желавшего совершить самоубийство, где можно было бы повеситься, а затем я обнаружил, что он исполнил задуманное. Если говорить коротко, я видел многое, но всё это происходило с другими людьми. В таких случаях всегда находится способ избавиться от неприятных впечатлений. Ты просто убеждаешь себя, что это твоя работа.

Но сегодня всё было по-другому. Дело касалось меня и Финна. Нас соединяла неразрывная связь, не так ли? Мы преследовали и задержали более двухсот человек. Мы разнимали дерущихся до крови футбольных фанатов. Мы обезоруживали сотни преступников: вступая с ними в борьбу, мы никогда не знали, чем всё закончится, но всегда оказывались победителями. Мы бились с миром насилия вдвоем, вступая в схватку за схваткой и одерживая верх.

И вот к чему теперь мы пришли – вернее, к чему пришел я, посмотрев в лицо смерти. В лицо тому, о реальности чего ты даже не позволяешь себе задумываться. Можно ли было этого избежать? Этот нож – Боже мой, *этот нож*, – так резко вонзившийся в тело Финна, мог так же легко вонзиться и в меня, оставив детей без отца, а жену без мужа. Неужели мой пес, мой любимый друг, отдал за меня свою жизнь?

Воспоминания о произошедшем, чувство вины и отчаяния сплелись в моей душе в один клубок и жужжали в голове, словно рой сердитых ос. Довеся меня до дома, похоже, осознав, что мне необходимо побыть одному, сержант даже не попрощался. Сказав, что скоро сюда придет человек, который заберет мою форму, он уехал еще до того, как я успел дойти до порога. В этот момент из дома выходила моя соседка, собиравшаяся на работу. Во взгляде, который женщина бросила на меня, читались немые вопросы: почему меня привезли на чужой машине? где мой грузовик? куда делись Финн и Жемчужина?

Я поспешил в дом, где был сразу же окружен другими моими собаками – Рори, Милли и Макси, – которые бешено виляли хвостами, взволнованно обнюхивая меня. Мои руки всё еще были в крови, но я нашел в себе силы смыть ее. Она в основном принадлежала Финну, и часть меня протестовала против моих действий – я чувствовал, что как будто бы смываю Финна из своей жизни. Затем я дал волю эмоциям и заплакал, уткнувшись в шерсть Макси.

Я всё еще продолжал плакать, когда в дверь позвонили. Я успел снять с себя форму, одеться во всё новое и аккуратно сложить перед дверью, чтобы ее забрали. Но я не мог идти в душ: у меня просто не было сил. Поэтому, когда в квартиру пришел служитель правопорядка – это была женщина, коллега Джеммы, – я спрятался от нее под лестницей, снова начав плакать и винить себя в том, что произошло. Рядом со мной никого не было, ничего не нужно делать, никто не давал мне никаких инструкций, и я опять стал блуждать в лабиринтах своей памяти, испытывая угрызения совести.

Выглядевшая расстроенной и встревоженной, женщина-полицейский аккуратно завернула мою одежду, сапоги и спасательный жилет в коричневую бумагу и через несколько минут ушла, оставив меня в одиночестве.

В таком положении и застала меня жена после того, как отвезла девочек в школу. Ее начальник, тоже сержант, сообщил ей, что я получил небольшое ранение, но так как в машине были дети, а мужчина говорил по громкой связи, жена попросила его не рассказывать подробности. Поэтому сейчас настал мой черед раскрыть все карты, и, конечно, Джемма сразу же разрыдалась. Финн был и ее ребенком тоже.

* * *

Затем была еще одна тяжелая поездка в больницу к Финну. Я предпочел бы вернуться в первую клинику, где мы были, лишь бы быть чем-то полезным моему другу. А так я провел время впустую, был эмоционально опустошен, не спал уже в течение примерно двадцати двух часов подряд и, вероятно, полностью расклеился. Но, по крайней мере, ветеринар до сих пор не позвонил мне. Когда я приехал в клинику, весть о том, что Финн находится в стабильном состоянии, приободрила меня.

Ронан также сказал мне, что Финном будет заниматься Роб Адамс – хирург, специализирующийся на оперировании мягких тканей. Он уже осмотрел моего любимца и заявил, что дренажная система, установленная в грудной клетке, функционирует нормально. Несмотря на

это, а также на то обстоятельство, что защитная повязка с внешней стороны оставалась неповрежденной, воздух всё равно проникал в грудную полость Финна из его легких через ножевые раны. Роб уверенно заявлял: у пса проколото легкое и воздух попадает туда, где его не должно быть, что может обернуться катастрофой, если в организм проникнет инфекция или попадут бактерии, которые могут затаиться и развиваться при благоприятных условиях, сведя на нет всё, что было ранее сделано. Так завершится то, что началось с ударом ножа.

Всё это означало, что Финну срочно требуется операция, а также (и Роб, несмотря на весь свой оптимизм, четко дал мне это понять) что никто не может гарантировать, что пес выживет.

* * *

Нас с Джеммой попросили пройти в комнату ожидания, где мы провели весь оставшийся день. С десяти часов, когда полиция выпустила пресс-релиз по поводу случившегося, наши телефоны стали разрываться от звонков. Финна хорошо знали полицейские во всей округе, он был любимой и уважаемой собакой и был героем множества публикаций в нашей служебной газете. Поэтому, как только о произошедшем стало известно, сразу же посыпался град встревоженных сообщений. К нам скоро приехали близкие друзья и один из моих начальников (тоже хороший приятель). Все вместе они помогали мне пережить трагедию, а также старались отогнать размышления на тему «что было бы, если бы...», вывести меня из состояния шока и избавить от чувства вины, пусть даже и на короткое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.